

P28048

Евг. Долматовский
МОСКОВСКИЕ РАССВЕТЫ

Евг Долматовский

МОСКОВСКИЕ
РАССВЕТЫ

Москва
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
*„Художественная
Литература“*
1941

Л И Р И К А

Выпускники

Рано-рано с вечеринки,
Взявшись за руки, идут.

Тополиные снежинки
Пролетают там и тут.
Тишь. Грузовиков движенье.
Спящий город. Ранний свет.
Словно ветра дуновенье,
Пролетели десять лет.
Нет ни письменных, ни устных
Вот диплом, на нем печать...

Это весело и грустно —
Утром молодость встречать.

Уж костры под Одинцовым
На линейке не горят.
Где ты, галстук трехконцовый,
Ворошиловский отряд?
Все припомни, все продумай
Этой маленькой весной.

В лентах серпантина, шумный,
Мчался ветер выпускной.
Школа стала вдруг просторной,
Вся — как физкультурный зал,
Джаз из бывших беспризорных
„Голубую ночь“ играл.
Почему-то педагоги
Грустные домой ушли.

Утро. Утро.
Все дороги
В легкой золотой пыли.
Я стою на перекрестке.
Мне тревожно.
Я смотрю —
Взявшись за руки, подростки
Медленно идут в зарю,
Прочь от них уходит тьма,
Мир июньский возвышая...

Ты теперь совсем большая,
Ты судьбу решай сама.

Сказка о звезде

Золотые всплески карнавала,
Фейерверки на Москва-реке...
Как ты пела! Как ты танцевала!
В желтой маске, в красном парике.

Пахли свежелою сосной подмости,
О тебе кричали рупора.
Платье, пересыпанное блесткой,
Светом гладили прожектора.

По цветной воде скользили гички,
В темноте толпились светлячки.
Ты входила,
И на поле „Смычки“
Оживали струны и смычки.

Чья-то тень качнулась вырезная,
Появился гладенький юнец.
Чем меня он лучше, я не знаю,
Знаю только, что любви конец.

Смутным сном уснет Замоскворечье,
И тебя он уведет тайком,
Бережно твои накроет плечи
Угловатым синим пиджаком.

Я уйду, забытый и влюбленный.
И неласково скажу: пока!
Помашу вам шляпою картонной,
Предназначенной для мотылька.

Поздняя лиловая картина:
За мостами паровоз поет,
Человек в костюме арлекина
По Арбатской площади идет.

Он насвистывает и тоскует
С глупой шляпою на голове.
Вдруг он видит блеску золотую,
Спящую на смятом рукаве.

Позабыть свою потерю силясь,
Малой блеске я сказал: лети!
И она летела, как комета,
Долго и торжественно. И где-то
В темных небесах остановилась,
Не дойдя до Млечного пути.

* * *

Помню, что когда она ушла,
На земле огромной пусто стало.
В горе я желал ей только зла,
А она мне радости желала.

Жизнь ее сложилась тяжело —
Детские мечтания и мысли,
Словно перебитое крыло,
Жалко и беспомощно повисли.

Видно, нас не разлучить годам,—
Память все шумит, как дождь по крыше.
Я все радости свои отдам,
Чтоб о радости ее услышать.

* * *

Где-нибудь на улице чужой
Песенку свою услышать грустно.
Неизвестным спетая с душой,
Жизнь моя передается устно
Из окна на улице чужой.

Ветра затихающий порыв,
Песня замерла и отзвучала.
Может быть, печальный наш разрыв
Станет чьей-нибудь любви началом.
...Ветра затихающий порыв.

* * *

Как февральский вечер позабуду,
Как мечте ребячьей изменю?
Из далеких автоматных будок
Я тебе по вечерам звоню.

Токи телефонные журчат,
Голос отвечает: нету дома...
Тихое прикосновение грома.
Трубка опустилась на рычаг.

Выхожу под звезды. Вспоминаю,
Как дружили весь прошедший год,
Ночи в клубе перед Первым мая,
Позднее гулянье в ледоход.

Разве можно спрашивать — люблю ли?
Но уж сколько вечеров подряд
Не тебя встречаю в вестибюле
Белой станции „Охотный ряд“.

Говорим о снах, о мореходстве...
Стебелек зеленый теребя,
Все ищу в косых ресницах сходства —
Чем она похожа на тебя.

Будто снова ты идешь со мною,
Как в былые наши времена.
Вот уже вас двое, двое, двое,
Вот опять не двое, а одна.

...С ней таким же, как с тобою, буду-
Почему же десять раз на дню
Из далеких автоматных будок
Я тебе, зажмурившись, звоню?

Комсомольская площадь

Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.
Сколько раз я прощался с тобой при отъезде;
Сколько раз выходил на асфальт раскаленный,
Как на место свиданья впервые влюбленный;
Сколько раз мы стояли на дымном вокзале
И, как водится, главного недосказали!
Ни дорожной тоски, ни растерянной встречи
Никому не избегнуть в судьбе человеческой.
Хорошо машинистам — их дело простое:
В Ленинграде сегодня, а завтра — в Ростове.
Я же с дальней дорогой знаком по-другому:
Как уеду, так тянет к забытому дому,
А едва подойду к дорожному порогу —
Ничего не поделаешь, тянет в дорогу.
Счастья я не искал — все мне некогда было,
И оно меня, кажется, не находило.
Но была мне тревожной и радостной вестью
Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.
Расставанья и встречи — две главные части,
Из которых когда-нибудь сложится счастье.

* * *

Вот улица в лучах заката.
Теперь припоминать давай:
Здесь домик был. А здесь когда-то
Ходил тринадцатый трамвай.

Тринадцатый иль двадцать третий?
Ни дома, ни трамвая нет.
Прошло как будто пять столетий
За несколько коротких лет.

Теперь на нас усатый, важный,
Чуть-чуть похожий на жука,
Ползет троллейбус двухэтажный,
Смотря на землю свысока.

И мы с тобою позабыли,
Какою улицею шли,
Где мучались, росли, любили
И счастье видели вдали.

* * *

Есть в первой любви обреченность разлуки,
Но в памяти шрам остается навек.
Ведь форму свою сохраняют излучки
Давно обмелевших и высохших рек.
За первой любовью нахлынет вторая,
И небо пойдет полыхать, заалев,
Неповторимое повторяя,
Непреодолимое преодолев.
Я счет не веду синякам и обидам,
Но все же ты первой обидой была.
Я злобы и горечи словом не выдам,
Ты в жизни моей как река протекла.
Так пусть тебе будет и горько и грустно,
Когда сквозь года, в неназначенный срок,
В далекой долине по старому руслу
Опять, зажурчав, пробежит ручеек.

Каменщики на рассвете

Синяя над городом дуга.
Ветерку поверим, как примете.
Облицовывают берега
Каменщики на рассвете.

Силуэты города. Покой.
Облачная зыбь, небесный ветер.
Запевают над Москва-рекой
Каменщики на рассвете.

Только что окончилось Вчера,
Дремлет Завтра на моей планете.
Слушают, как ходят катера,
Каменщики на рассвете.

Говорят, что плитами могил
Были раньше злые камни эти.
Кто вас счастье строить научил,
Каменщики на рассвете?

По граниту первый луч скользнул —
Будет мир, широк, лучист и светел.
Как большие птицы, пьют весну
Каменщики на рассвете.

Если хорошо тебе — молчи.
Памятью о нашем первом лете
Будут птицы, облака, лучи,
Каменщики на рассвете.

Дом

В Москве я знаю дряхлый дом,
Назначенный на слом.
Он желт, как прошлогодний лист,
Он кривобок и криворот,
Неисправимый гармонист
Сидит на тумбе у ворот.
Уныл и жалок этот дом,
Назначенный на слом.

Ты прибегаешь в семь часов.
Стреляет заспанный засов,
И дом — как был — сутул, горбат,
Вплывает в розовый закат.
Он, полон новою судьбой,
Сияет солнцем и тобой.
Мне очень дорог этот дом,
Назначенный на слом.

Там, у косых заборов, грусть
Я ожиданием лечил,
Там три афиши наизусть
Почти как песню заучил:
Госцирк. Утесов. Карнавал.
„Не ходы, Грыцю“. Эрмитаж.
Я глаз еще не поднимал
На твой задумчивый этаж.
Но ждал меня убогий дом,
Назначенный на слом.

Для нас построят светлый дом,
Под самым небом заживем.

Но я мечтаю, чтобы ты
Не забывала никогда,
Как из стены росли цветы,
Как в кухне чмокала вода,
И в пять и в шесть часов утра
Кончались наши вечера,
И жадный шопот слушал дом,
Назначенный на слом.

* * *

Поцелуям счет давно потерян,
Вдоль и поперек исхожен сад,
Где кусты мохнатые, как звери,
На тропинках узеньких сидят.

Дома ждут тебя. Уже открыли
Окна в покосившихся лучах:
Старые родители забыли
О своих прогулках и ночах.

Но у дорогого одногодка
Скоро так же, как во всех веках,
Станет величавою походка,
Выступят веснушки на щеках.

Станет все прозрачным, легким, чистым.
Первенца, подруга, назови
Феликсом — по имени чекиста,
Или Таней — в память о любви.

Теплая тревога дней последних —
Кем ты будешь, маленький наследник?

Предки шли в бахилах, в куртках грубых,
Спали на соломенном пуху,
Храбрые ребята. Однолюбы.
Правду говорившие стиху.

Как они, пойдешь ты в ночь и ветры,
В самые последние бои.

Так и начинается бессмертье —
Губы мамины, глаза мои.

* * *

Все дороги майские прозрачны,
Что ж, к покою сердце не лежит.
Вздвогнут листья, гукнет поезд дачный,
Белочка по соснам пробежит.

Церковь на пригорке. Странно даже —
Разве в бога верят до сих пор?
Или это только для пейзажа,
Чтоб рельефней стал далекий бор,

Чтоб просторы сказочнее были,
Затканые синим ветерком...
Мы с тобой давненько не ходили
По сырым тропинкам босиком.

Вместе мы перенесли невзгоды.
Гладит нас — прохладна и легка —
Подмосковной северной природы
Сильная, спокойная рука.

* * *

Сколько дум передумаешь ты в ночах
От одной весны до другой весны!
Ты находишь случайно в старых вещах
Пионерский галстук своей жены.

Полинял треугольник из кумача,
Он средь маек на полке лежит один.
Детство входит в дверь серебром луча,
Задевая мерцанье твоих седин.

Сколько раз ты пытался его вернуть,
На полях стадионов искал и звал,
Чтоб сначала начать свой нелегкий путь,
В лагерях покидая ночной привал.

А зачем вспоминать? Ведь всегда с тобой
Первозданный мир соловьев и гроз.
Пусть идет он рядом с твоей судьбой
До далеких побед, до седых волос.

...Красный галстук рукой расправляешь ты.
И еще слаба, и еще бледна,
В безмятежном сиянии чистоты
Над кроваткой склонилась твоя жена.

А в глазах — пионерских костров огни,
Золотое наследство — костры, костры.
Пусть же к детям твоим перейдут они
Вместе с галстуком — памятью той поры.

Горловские розы

Из своих необычайных странствий
Я тебе, любимая, привез
Сон о звездах,
Дымный запах станций
И букет тяжелых влажных роз.
Пусть они белеют и алеют.
Чуть прищурься —
И увидишь ты
Горловку,
Зеленые аллеи,
Уголь осветившие цветы.
Ты пришла б туда и поглядела,
Как на тонких стебельках стоит
Этот красный,
Этот нежно белый,
Розовый
Донецкий антрацит.
Всю тебя наполнит чистый воздух
И степное щебетанье птах.
Мы взрастили горловские розы
И прошли науку о шипах.

* * *

Дымком воспоминаний горьким
И днем и ночью я дышу.
Всегда в кармане гимнастерки
Я карточку твою ношу.

Она, пожалуй, непохожа,
И поворот лица не тот.
Ты кажешься еще моложе,
Ты выросла за этот год.

Был год разлукою отмечен,
Но жизнью сделалась мечта,
Хоть краток путь от первой встречи
До первой складки возле рта.

* * *

Хочется вслушаться в голос ровный,
Смотреть на серебряные седины,
Смотреть на глубокие, длинные, словно
По дереву вырезанные, морщины,
На сетку жил, обтянувших руки,
На платье торжественного покроя,
На тусклый и медленный взгляд старухи,
Задумчиво всматривающийся в былое.
У входа в дом на плетеном стуле
Она с вязаньем сидит часами,
Не замечая жары в июле,
Под синими-синими небесами.
А ты пробегаешь задорно мимо
Дома, подъезда, старухи, стула,
Неудержимо, неуловимо,
Будто бы облачко промелькнуло.
Ветер, как скульптор, вылепил платье,
Нежен пушок золотистой кожи.
Долго ли буду тебя встречать я
Легкой, на солнечный луч похожей?
Иль по рукам заструятся жилки,
Складка протянется возле уха,
Щеки забудет румянец пылкий,
Станешь такой же, как та старуха?
Нет! Не хочу, не могу, не верю!
Мало ль придумают люди вздора.
В мир для тебя открывались двери
Не для того, чтоб закрыться скоро.
К будущим дням подойдя поближе,

В прошлое буду смотреть пытливо,
Эту старуху тогда увижу
Стройной, как ты, молодой, счастливой.
Вот и она пробегает мимо
Дома, какой-то старухи, стула,
Неудержимо, неуловимо,
Будто бы облачко промелькнуло.
Так же бежит она, так же точно,
Кроме любви, ничего не зная,
Как пробежит когда-нибудь дочка
Мимо меня и тебя, родная.

Не разлюблю тебя я никогда.
Не потому, что юности года
Прошли мы вместе по цветам и травам,
Не оставляя за собой следа;
Сама, наверно, знаешь,—
Я бы мог
Забуть все это, выйдя за порог
Еще неясных первых впечатлений
И юных неоправданных тревог.
Но в нашей жизни был денек осенний,
Когда мы шли на Северный вокзал...
И все, что я тебе не досказал,
Выстукивали быстрые колеса.
А я у мокрого окна стоял
И от одной горячей папиросы
Закуривал другую...
А потом
Поднял меня артиллерийский гром,
И я со взводом вышел под обстрелом
И блеск штыков увидел за бугром.
И ты все утро на восток смотрела.
И ровный свет твоих зеленых глаз
Не одного меня, а многих нас
В сраженье вел и делал храбрецами.
Он был спокоен, ясен, как приказ.
Да, ты была во всех атаках с нами,
Забыв свое нелегкое житье,
Тоску и одиночество свое.
Будь навсегда, среди огня и дыма,
Как воинская клятва, неруцима,
Любовь моя!
Ты — мужество мое.

Дачный поезд

Я все вспоминаю тот дачный поезд,
Идущий в зеленых лесах по пояс,
И дождь, как линейки в детской тетрадке,
И юношу с девушкой на площадке.

Он в новенькой форме, затянут строго,
Кружит кинолентой пред ним дорога,
Мокры ее волосы после купанья,
И в грустных глазах огонек прощанья.

Как жаль, что вагоны несутся быстро
И день угасает в дожде, как искра!
Как жаль, что присматриваются соседи
К безмолвной взволнованной их беседе!

Он держит ее золотую руку,
Еще не умея понять разлуку,
А ей этой ласки сегодня мало,
Она и при всех бы поцеловала,

Но смотрят соседи на юношу в форме,
И поезд вот-вот подойдет к платформе,
И только в тоннеле одна минута —
От взглядов сокрытая часть маршрута.

Вновь дождь открывается, как страница,
И юноша пробует отстраниться.
Он воин. Ему, как мальчишке, стыдно,
Что первое счастье их очевидно.

...А завтра ему уезжать далеко,
До дальнего Запада иль Востока.

В холодном бою, на снегу, изрытом
Свинцом и безжалостным динамитом,
Он вспомнит и дождик, и дачный поезд,
Идущий в зеленых лесах по пояс,

И так пожалеет, что слишком строго
Промчалась прощальная их дорога.

ПЕСНИ

Улыбка

Мы вдвоем росли,
Мы с тобой прошли,
Мы вдвоем прошли
Все пути.
Ты не хмурься вдруг,
Мой любимый друг,
Мой хороший друг,
Не грусти.

Улыбнись, забудь,
Если в чем-нибудь,
Если в чем-нибудь
Виноват.
Побежим по росе,
И обиды все,
И печали все
Улетят.

Улыбнулась ты —
Расцвели цветы,

Улыбнулась ты,
Как тогда...
Путь наш чист и прям,
Не расстаться нам,
Не расстаться нам
Никогда.

Расцвела страна,
И кругом весна,
И кругом весна
Широка;
И друзья поют,
И легко плывут,
Над тобой плывут
Облака.

Девушка с характером

Только вещи соберу я,
Только выйду за порог,
Сразу волосы развеет
Дальних странствий ветерок.
Ни простор не испугает,
Ни преграды на пути.
У меня такой характер —
Ты со мною не шути.

Я ни с кем не попрощалась,
Только вышла за порог,
А уж мне бегут навстречу
Поезда со всех дорог.
Я без них могу полсвета
Легким шагом обойти.
У меня такой характер —
Ты со мною не шути.

Если я ушла из дома,
Нелегко меня найти,
Я одна могу полсвета
Легким шагом обойти.
Не советую тебе я
Повстречаться на пути...
У меня такой характер —
Ты со мною не шути.

Любимый город

В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.

Пройдет товарищ все фронты и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.

Когда ж домой товарищ мой вернется,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнется:
Знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд.

Самый маленький

Нас водила веселая юность
По зеленым дорогам весны.
Были мы, как поток, говорливы,
Как весенняя роща, шумны...
Лишь один был на всех непохожим —
Вижу снова его, как сейчас —
Самый маленький и незаметный,
Самый тихий и скромный из нас.

Мы мужали и крепили с годами,
Хорошо подросла молодежь.
Над тихоней смеялись, бывало:
Что ж ты, милый дружок, не растешь?
Он в ответ улыбался неловко,
Только грусть пробежала у глаз.
Самый маленький и незаметный,
Самый тихий и скромный из нас.

Наступило суровое время,
Нас позвали в далекий поход,
Мы сражались под северным небом,
Под трескучим огнем непогод,
И на фронте недавно узнали,
Что героически исполнил приказ
Самый маленький и незаметный,
Самый тихий и скромный из нас.

М О И Д Р У З Ь Я

Стойбище Урми

Жилка этой реки
Не сумела пробиться на карты.
Псы в упряжке бегут,
Синеватый вдыхая мороз.
Семь учебников алгебры
Крепко привязаны к нарте.
Синеглазая девушка
Едет средь черных берез.

Ты давно ль научилась
Так мчаться дорогой неровной,
Громким окриком „хо!“
Усмиряя собак на бегу?
Как успела из Анки

Ты сделаться Анной Петровной?
Как январскою ночью
Ты едешь одна сквозь тайгу?

Вот и стойбище Урми.
Сушеная рыба-юкола
Возле темных домов
Под холодной-холодной луной.
Входит Анна Петровна
„В неполную среднюю школу“.
Пахнет рыбой и хлебом,
Моршкой и свежей сосной.

Поднимается Анна Петровна
На позднем рассвете,
Вот в сенях начинается
Шарканье маленьких ног,
И ее окружают
Нанайские смуглые дети.
Сняв учебники с нарты,
Она начинает урок.

На большой перемене
Мальчишки колдуют с виктролой
И заводят пластинку.
И вот из неясных глубин
Входит в комнату голос,
Протяжный, родной, невеселый,—
Это русская песня,
Которую Ленин любил.

Зимний день на исходе.
Морозно. Тропинкою хрупкой
С голубыми тетрадками
В школу идут старики.

Крепкоскулые женщины
Курят тяжелые трубки.
Вся их жизнь утекла
По теченью таежной реки.

За столами сидят они,
Словно притихшие дети,
К потолку поднимается
Сизый махорочный дым.
Об испанских событиях
И о Верховном Совете
Будет Анна Петровна
Сегодня рассказывать им.

Я в глаза этой девушки
Буду смотреть осторожно,
Чтоб найти на минуту
Твои дорогие черты.
Ведь она на тебя
Чем-то очень далеким похожа.
Хорошо б — на нее
Походила немного и ты.

Коль взгрустнется тебе,
Или сердце забьется неровно,
Потеплее оденься,
На лыжах в леса побеге,
Вспомни стойбище Урми,
Веселую Анну Петровну,
Синеглазую девушку
Дальневосточной тайги.

Мальчик

Ворота третьей автобазы
Раскрыты настежь.
День гудит.
Выходит мальчик черноглазый,
На небо синее глядит.
Его ласкает теплый, горный,
С вершин сбегаящий апрель.
Он маленькой рукой проворно
Заводит белую модель.
И за полетом стрекозиным
Весь город улететь готов,
Насквозь пропитанный бензином
И первым запахом цветов.

Здесь было дымное кочевье...
Начальник стройки, фантазер,
Худые посадил деревья,
Большими палками подпер.
Строитель и солдат, он мог ли
Предвидеть странности земли?
Деревья в десять дней засохли,
А палки буйно зацвели.

Рос город.
На второе лето,
В тиши, на пустыре седом,
Сверх плана и нарушив смету,
Построили родильный дом.
Тогда родился этот мальчик.

Шел шестидневки третий день.
Бикфордов шнур поджег запальщик,
Гора осела набекрень.
Шла в клубе „Квадратура круга“,
С плотиной ссорилась вода.

...Мои друзья, мои подруги,
Мы вырастили города,
Мы шли сквозь ветры и метели,
Ни жизни не щадя, ни сил,
Чтоб мальчик с белою моделью
В прохладный полдень выходил.

Пред ним земля, как школьный глобус
Пестра, загадочна, кругла.
Из-под горы идет автобус
В сияньи бемского стекла.
На город, полный снов и сказок,
Прозрачный ветерок, повея.

Выходит мальчик черноглазый,
Уже не видевший церквей.
Серьезный, розовый, картавый,
Модель пускает в синеву.
Она взлетает над кварталом,
Взяв направление на Москву.

•

Ночь на пароходе

Маленький, угрюмый, одинокий,
Человечек сел на пароход.
Пароход, высокий, белобокий,
Погудел и двинулся вперед.

Думал пассажир поспать немного,
Голову склонивши на портфель,
Но по водным и земным дорогам
Теплым ветром шелестел апрель,

Не давая никому покоя.
Был туманный предрассветный час.
Два костра горели над рекою,
А потом один из них погас.

Тонкий месяц в облаках пробился,
Возле мачты встал на левый борт.
Пассажир взглянул и удивился,
Закурил, подумал, что за чорт?..

В юности, в провинции, когда-то
Видел он: такой же месяц плыл.
Но ушли, умчались без возврата
Чистый свет и юношеский пыл!

Невеселый, сгорбленный мужчина
Все курил. А ночь такой была,
Что, наверно, не одна морщина
Навсегда со лба его ушла.

Он молчал, насупясь виновато,
Не заметив в синеватой тьме,
Что сидел я на мотке канатов
С ветерком в обнимку на корме.

Бухта Ольга

Стояли мы на палубе, любуясь
Огромным солнцем, восходившим тут.
Мы знали — эту бухту голубую
Девичьим нежным именем зовут.

Должно быть, так ее назвал
влюбленный, —
Кому б другому в голову пришло
Назвать так просто этот мир зеленый
И дальних сопок темное крыло?

Мы уносились мыслями своими
За сопки, за просторы, за тайгу,
И каждый вспомнил дорогое имя,
Оставленное там, на берегу.

Смотрели в отдаленье голубое,
Не опустив прощального платка,
Строители, радисты, китобои
И лейтенанты Энского полка.

Они придут на берег океана,
Построят все, что снилось, — на яву.
Форты и башни назовут Светланой,
А я свой город Софьей назову.

Шофер

По замерзшей реке он повел грузовик сквозь
пургу.

Буксовали колеса. Машина застряла в снегу.

До утра он промучался. Злился, ругался, —
беда!

На исходе бензин, в радиаторе стынет вода.

Снег валил и валил. Бесплезную бросив борьбу,
Он пошел наугад, и набрел на дымок, на избу.

Боевая девчонка поила его молоком
И задорно и грустно в глаза заглянула тайком.

Он вернулся к машине. И стало до горечи жаль
Покидать это место. Тогда он нажал на педаль,

И пошел грузовик, хоть дорогу совсем замело, —
Видно, силы шоферу прибавило взгляда тепло.

Он четырежды ездил по этой дороге опять,
Но девчонки глазастой ему не пришлось
повстречать.

Тиролов

Четвертый рассвет, бессонный рассвет.
Холодная синь, прозрачная синь.
Опять торопливый глубокий след
Ведет по хребту Сихотэ-Алинь.

Не спим, не курим, не говорим...
Разводим костер на краю зари.
Бульонные кубики растворим,
Съедем надоевшие сухари.

И снова погасим жадный огонь,
И снова навстречу бежит тайга...
Тигренок почуял дыханье погони,
Нутром ощутив, как жизнь дорога.

Теперь он будет в снегу петлять,
Сквозь мокрые ноздри вдыхать ветра
И жадно звать на подмогу мать,
Не зная, что в шкуре ее — дыра.

Вот мы приблизились, наконец.
Словно свинец, тяжелы унты.
Собака, звонкая, как бубенец,
Катится шариком через кусты.

На тигра бросается человек,
Кидая мешок и ружье на бегу.
Комок борьбы разметает снег.
Кровь, как брусника, лежит на снегу.

Тигренок скручен. В каплях росы
Жалобный, желтый, жестокий взгляд.
Хищно подрагивают усы.
(Такой молодой, а уже усат!)

Когда приедешь во Владивосток,
Пройди по базару вдоль длинных столов.
В колхозный зверинец путь недалек,
Зайди на часок туда, тигролов.

...У прутьев железных, тихо урча,
Зверь будет угрюмо ходить в тени.
Рукою, зашитою у плеча,
Как старому другу ему махни.

Друзьям

На свете поговорка есть,
Из древности седая весть.
Она гласит, что старый друг
Бывает лучше новых двух.
Но должен я поспорить с ней.
Я утверждаю, что она
К друзьям моих приморских дней
Не может быть отнесена.

Вдоль океана в январе,
На чуть синеющей заре,
В пальто осенних, налегке,
Мы мчались на грузовике.
Меня продрогший Александр
Тугим брезентом накрывал,
Сквозь этот ледяной скафандр
Я видел океанский вал.

Маяка меркнувший поток
Нам осветил Владивосток,
А койку мог бы я едва ль
Найти в гостинице „Централь“.
Тогда — и сколько раз потом —
Я ночевал у вас в дому,
И был похож ваш утлый дом
На пароходную корму.

Когтей камчатского орла,
Для украшения стола,

Нигде, ни на каком столе
Я не увижу на земле!
Как светит в комнате у вас
Убранство штурманских кают
И радуется усталый глаз
Для странствий созданный уют.

Меня, когда я уезжал,
Никто из вас не провожал.
Я не обиделся ничуть,
Короче стал мой дальний путь.
А китобой Пикула был
Огромный и радушно груб.
Он на прощанье подарил
Мне толстый кашалотий зуб.

Так, в середине января,
О дружбе слов не говоря,
Дружили искренне, до слез,
Быть может, первый раз всерьез.
Мы жили собственным теплом,
Как дети радуясь тому,
Что был похож ваш уютный дом
На пароходную корму.

Короткие волны

Брезентовый домик висит над скалой,
На самом краю ледника.
Пробраться сюда безумной тропой —
Не сыщешь проводника.

Орлы на такой высоте не парят,
И тучи клубятся внизу.
Здесь вечность оставила мертвый каскад,
Свою ледяную слезу.

С продуктами выбросив парашют,
Направился вниз самолет.
Здесь люди в серебряных куртках живут,
Исследуют камень и лед,

И раз в шестидневку,
В ночной тишине,
С просторной страной своей
Они говорят на короткой волне
О жизни ветров и дождей,

О ходе работ...
И внимательный мир
Дает позывные в ответ,
И с северной льдины в холодный эфир
Им шлют комсомольский привет.

Я слышал их голос — из сна, из мечты.
И близок он был, и далек.
И я никогда не поверю, что ты
Бываешь в Москве одинок.

Инженер

Праздничный лист диплома
Чего не сулит ему!
Но ветер зовет из дома,
Он едет на Колыму.
Бушующею порою,
С винтовкою и кайлом,
Идет инженер Дальстроя
Сквозь воющий бурелом.
Потом, у костров тревожных,
Усталый, валится с ног.
Он ест свой ужин дорожный —
Консервы и злой чеснок.
Раз в месяц он приезжает
В светящийся Магадан.
В кино трещит, и мигает,
И песню поет экран.
Он сутки сидит в читальне,
Не думая отдохнуть.
И снова холодный, дальний,
Знакомый суровый путь.
Шагая по свежим вехам,
Он думает иногда:
Какого он чорта ехал
Из шумной Москвы сюда?
Скорей бы, скорей вернуться...
И вот наступает срок.
Платки на пристани вьются,
Он видит Москвы дымок.
Москва оглушит инженера,
Закрутит, затормошит:

Метро, магистрали, скверы
И новых мостов гранит.
Он смотрит спектакли МХАТа,
Он к морю едет на юг.
Но замечают ребята,
Что ночью их старый друг
Тянет из-под кровати
Пудовые сапоги
И штопает рыжий ватник,
Хранящий следы тайги.

На практике

На практику приехала бригада.
Гудели ветра синие валы.
Зеленое кипенье винограда,
Деревьев побеленные стволы.

На каждый лист, на каждый камень юность
Поставила воздушную печать.
Вошли мы в сад, наполненный июнем,
Хромой садовник вышел нас встречать.

„Мой сын четыре года не был дома, —
Сказал старик. — Не слышали о нем?“
Мы отвечали: „Как же, мы знакомы,
Мы с ним в одном студгородке живем.“

Он сдал свои зачеты на отлично,
В конце июня будет в отпуску“.
Мы даже о делах сугубо личных
Немножко рассказали старику.

Зажглась звезда. Заговорили тише.
Скрипел колодец. Ветер был сырой.
На крыльях маленькой летучей мыши
Летела ночь, гонимая зарей.

Мы горькие курили папиросы.
Созрело утро. Вот уже светло.
Как мячики, стучали абрикосы.
Садовник слушал, как живет Павло.

На самом деле мы его не знали,
Не знали даже, в корпусе каком
Он засыпал на жестком одеяле,
По лестнице бежал за кипятком.

На практике, на кочевом ночлеге,
Вот так же тихо, в предвечерний час,
Быть может, в дальнем городе Онеге
Кому-то он рассказывал о нас.

Из февральских стихов

Внизу проходит поезд
В светлом громе.
За окнами уже сверкнул перрон.
А наверху стоит сосновый домик,
Он голубым забором окружен.
Сюда идем в комбинезонах рваных.
Чуть отдохнем. Сегодня не до снов.
И сразу засыпаем на диванах
В невероятных позах бегунов.
И видим сны:
Синеющий осинник
И осторожное мерцанье звезд.
Еще крыльцо. И несколько осиных,
Похожих на табачный пепел гнезд.
И вдруг выходит голубая фея.
За нею сено шепчется в стогах.
Она идет, прозрачным платьем вея,
В резиновых тяжелых сапогах.
Все путается в лиловой дымке.
В тоннель опять не подадут бетон.
Опять мне видятся качели, Химки
Их воями усыпанный газон.
А рядом, в автогене синеватом,
Фигуры марсианские встают.
По площади пустой идут девчата.
Они в спецовках и они поют.
...Но люди спят, не слыша телефонов.
Куда их сны сумели увести?
В углу стоят тяжелые знамена,

И золото на бархате блестит.
Уже светает...
Лампочка устала,
Накрытая бумагою, гореть,
И рот наполнен привкусом металла,
И сна уж не удастся досмотреть.
Вошла уборщица в косынке снежной,
Завязанной по-детски и смешной,
И слов ее украинская нежность
Всю комнату наполнила весной.
Она внесла морозные газеты.
Ребята их раскрыли. Тишина.
Они увидели свои портреты,
Калининскую подпись. Ордена.

Самолет в Парке культуры

И в Зоопарке сокол хмурый
Все вспоминает свой Кавказ,
А он поставлен в Парк культуры
Мальчишкам праздным напоказ.

И разве может алюминий
По высоте не тосковать,
Когда за тучей темносиней
Летят товарищи опять?

Проходит грустно день короткий.
Но вечерами, иногда,
На брови опустив пилотки,
Заходят летчики сюда.

И сколько сразу им расскажет —
До сердца самого проймет —
Короткий шов на фюзеляже
И устаревший пулемет!

И люди смотрят с уважением —
Ведь многих сберегли от гроз
Короткого винта движенье
И когти выпускных колес.

* * *

Отправляются мужья в полет,
Жены остаются на пороге.
Синие воздушные дороги
Равнодушны, как январский лед.

Развернувшись курсом на рассвет,
Смелые подруги улетают.
Серебристый контур птицы тает,
И теперь мужья глядят вослед.

* * *

За мавзолеем ели встали в ряд —
Курсантской выправки природа.
Могуч и строг военный их наряд
В любое время северного года.

В чужом краю, за тридевять земель,
К могиле воинов склонясь устало,
Мечтает пальма встретить эту ель,
Что под стеной Кремлевской выростала.

* * *

Давайте о юности больше ни слова.
Есть мужество, верность — слова поновой.
Военное время встречает сурово
ПодрoSших за эти года сыновей.
Мы выбрали сами прекрасное бремя —
Страну на плечах пронести в коммунизм.
Лишь трудное время — счастливое время,
Лишь трудная жизнь — счастливая жизнь.
В снегах и морозах, средь зноя и пыли,
Сквозь смерть мы должны свое сердце пронести,
И все ж молодыми мы будем, как были,
Таковыми, как были, таковыми, как есть.
Погодки, ровесники, единоверцы,
Бойцы Краснопресненского полка,
Чем мягче и беспокойнее сердце,
Тем тверже и спокойнее рука.

ИЗ ПОХОДНЫХ ТЕТРАДЕЙ

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Письмо

Вчера пятнадцать шли в наряд,
Четырнадцать пришли назад.

В одной тарелке борщ остыл.
Обед был всем бойцам постыл.

Четырнадцать ложились спать,
Была пуста одна кровать.

Стоял, уставший от хлопот,
У изголовья пулемет.

Белея в темносиней мгле,
Письмо лежало на столе.

Над недописанной строкой
Сгущались горе и покой.

Бойцы вставали поутру
И умывались на ветру.

И лишь па полочке одной
Остался порошок зубной.

В штаб экспедитор шел пешком
С незапечатанным письмом.

О, если б вам, жена и мать,
Того письма не получать.

Лебеденок

Ночные прожекторы видели
Заката багровую ленту.
Построившись в ряд, истребители
Уснули под мокрым брезентом.

Усталость пришла после ужина,
И каждому разное снится.
Но летчики были разбужены —
Кричала какая-то птица.

Так жалобно, призывающе,
И кажется, рядышком, близко.
Уснуть невозможно, товарищи,
От этого детского писка.

Со спичками вышли на выручку,
Ворча и ругаясь спросонок.
Расправив подбитое крылышко,
Лежал на траве лебеденок.

Нежданого полуночника
В палатку внеся осторожно,
С ладоней бензиновых летчики
Кормили ватрушкой творожной.

Один тут лекарства притаскивал,
Другой уносил их обратно.
Они помогли ему ласково,
Как будто больному собрату.

Поспал лебеденок, поправился,
И утром туманным и серым
За стаей он к югу отправился.
А мы улетели на север.

Актеры

Новогодняя ночь на границе...
Черной бурей гремит грузовик.
Легким снегом дорога клубится,
Что идет до луны напрямик.

Поскорей бы к заставе добраться—
Ждет давно пограничный отряд.
На фанерных листах декораций
Перезябшие люди сидят.

Вот заставка со струйкою дыма
Выплывает. К ним люди бегут,
Говорят им: играйте без грима,
Темновато и холодно тут.

Меркнет жалобный свет керосина,
Расцветает неведомый мир—
Старомодный этюд из Расина
И торжественный, мудрый Шекспир.

А потом, с самодельных подмостков,
Вызывая вперед молодежь,
Громогласный

встает

Маяковский

Под горячие взрывы ладош.

Время движется быстро и скупю.
Забывает о сцене актер.
Входят люди в морозных тулупах,
А другие уходят в дозор.

Наступает минута прощанья,
Появляется сонный шофер.
Снова, снова гремят расстоянья,
Одинокий холодный простор.

Дездемоне, пожалуй, не снились
Ночь такая и Дальний Восток
И что два отделенья влюбились
В чуть охрипший ее голосок.

Майор

В том белом городе, где ты росла,
Береза тонколистая цвела.

По улице носился нежный пух,
Как первый снег окутывая двух.

Ты в Доме Красной Армии не раз
С его улыбки не сводила глаз.

Весь вечер ты его звонка ждала.
Он не пришел. Наверное, дела.

Был городок тревожной тьмой одет,
Со станции не подавали свет.

Шел бой вдали. Не замолкал и днем
Артиллерийской перестрелки гром.

И не было, наверное, длинней,
Мучительней, труднее этих дней.

Потом вернулся он... В лубке рука.
Все говорил о мужестве полка

И о каком-то молодом бойце...
Лежит усталость пылью на лице.

Он посидел с тобой короткий час,
Переоделся и уехал в часть.

И ты не догадалась до сих пор,
Что город спас твой маленький майор.

* * *

День незаметно уходил на запад,
Летели самолеты над рекой,
А мальчик им кричал: „Скорее, папа!“
И каждому из них махал рукой.

И мать смотрела ввысь, на самолеты,
И улыбалась. А глаза темны,
Бессонною тревогой и заботой,
И трауром ресниц окружены.

Темнело. Мальчик задремал устало.
Мать слушала, как плещется весна,
И, как когда-то мужу обещала,
Ни разу не заплакала она.

Пусть сын не знает слез в начале жизни.
А подрастет — она отдаст ему
Часы отца с разбитым механизмом,
Из черных туч упавшие во тьму.

Герой

Легко дыша серебряной зимой,
Товарищ возвращается домой.

Вот техникум. Вот здесь жила она,
Уже, пожалуй, чья-нибудь жена.

Вот, наконец, и материнский дом,
Зеленый садик, крыша с петушком.

Он распахнул тяжелую шинель,
И дверь за ним захлопнула метель.

Роняет штопку, суетится мать —
Какое счастье — сына обнимать!

...Снимает мальчик свой высокий шлем,
И видит мать, что он седой совсем.

Твердыня

Я прошел по Дальнему Востоку,
По земле холмистой и лесной,
Я дышал тревожно и широко
Синею приморскою весной.

Видел я и тот далекий берег,
Где под рокот медленных валов
Спит в песке угрюмый старый Беринг
В окруженьи пушечных стволов.

В час ночной холодной непогоды
В Спасске я ходил вдоль старых шпал,
Над сырой могилою Лагоды
С непокрытой головой стоял.

Здесь легли борцы за наше дело,
Не один, а сотни человек,
И земля над ними затвердела,
И твердыней сделалась навек.

Тяжелей бетона, крепче стали,
Как сыны ее, земля крепка.
Здесь глаза мои темнее стали
И упорство обрела рука.

Небо синее, как на Востоке,
Пусть всегда сияет надо мной,
Люди сильные, как на Востоке,
Пусть идут в одном ряду со мной.

Жить хочу! Хочу вставать с рассветом,
Чистым солнцем умыть лицо.
Разве мог я вырасти поэтом,
Если б не был рядовым бойцом?

Никогда!
И нашей чистой правды
Не отдам ни пяди никому.
Может, в яростном бою на травы
Упаду...
Но смерти не приму:

Ведь на пост. в холмистые просторы,
В ту же ночь, не вытирая слез,
Встанет Юра старший брат, с которым,
К сожаленью, я недружно рос.

В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Полночь

В старом замке родовом,
Окруженном темным рвом,
С башней, где живет сова,
Где на гребнях стен трава,
В древнем замке родовом
Ночь сегодня проведем.

Рыцарь с круглой головой,
Рядом — в каске часовой.
Свет лиловый лампы слаб,
Бледен луч штыка.
В замке расположен штаб
Нашего полка.

Рядом за цветным стеклом
Ветер, сырость, бурелом.
Августовские леса
Завтра мы пройдем.
Ранней осени краса
Никнет под дождем.

Спят казаки на полу.
Радио поет в углу.
Джаз бубнит, и телеграф
Медленно гудит.
А с портрета старый граф
На меня глядит.

На стенах висят клыки,
По углам блестят штыки.
Радио поет в ночи,
Радио поет.
На Москву переключи,
Полночь настает.

А в Москве, в Москве у нас,
Бьют часы двенадцать раз.
Древних башен тишина
Так недалеко.
В звон курантов вплетена
Ниточка гудка.

Может, это синий ЗИС
К набережной мчится вниз?
Может, ты сейчас идешь
Вдоль Москва-реки?
Легкий глянцовитый дождь.
Тихие гудки.

И звучит над миром гимн,
И зовет вперед.
Каждым словом дорогим
Полон наш поход.
В латах рыцари стоят,
На полу казаки спят.

Городок Долматовщины

Где еще, когда увижу в жизни
За дождем родимый огонек?
Скоро мы войдем в Долматовщины,
Узенький горбатый городок.

Кони тихо движутся во мраке,
Бурками укрыты до хвоста.
Их ведут кубанские казаки
В темные полесские места.

В городке костел и синагога,
Тьма и грязь на улицах кривых,
Старики в ермолках у порога
И кривые вывески портных.

Запахи, изведенные в детстве,
Снова наплывают на меня.
Справа, слева, рядом, по соседству —
Всюду здесь живет моя родня.

Ей навстречу едут люди в бурках.
Кажется, колонне нет конца.
Краткий отдых. Песня. Перекурка.
Толпы возле каждого бойца.

Нет пределов для моей отчизны.
Широки советские края.
Тихий городок Долматовщины —
Это тоже родина моя.

Свои

Хозяин смотрит пристально во мглу:
Не дождь ли стукнул пальцем по стеклу?

Бегут, шумят осенние ручьи.
Кто там? Откройте! Это мы, свои.

И, нагибаясь, мы входили в дом,
И грели руки на огне рудом.

С тяжелых касок капала вода.
Мы на часы смотрели. И тогда

Вставали, шли, промокшие насквозь.
Дождь падал прямо, падал вкривь и вкось,

Но нас обогревало и вело
Зачерпнутое пригоршней тепло.

Кто б мог, как мы, в лесах, где шли бои,
Стучать в окно и говорить: „Свои!“

Улица святого Доминика

Наш батальон у воеводства бился,
У старых почерневших колоннад.
Вдруг танк заскрежетал, остановился—
Его подбили связкою гранат.

К нему бежали черные уланы
С тяжелыми винтовками в руках,
И в смотровые щели из нагана
Стрелял студентик в роговых очках.

Облили танк зеленым керосином.
Дровами обложили. Подождгли.
Был полон город криком журавлиным,
Летя на юг, рыдали журавли.

Еще стреляла пушка по колоннам...
Потом она замолкла. И тогда
Из всех щелей по плитам раскаленным
К троим танкистам поползла беда.

Ни стоны не слышали, ни крика.
Шла пузырями краска по броне.
На улице святого Доминика
Горел наш танк на медленном огне.

Комбинезоны на танкистах тлели,
Потрескались, свернулись сапоги.
И вдруг мои товарищи запели
Так громко, что слышали враги.

Водитель танка по горячей стали
Отверткой острой из последних сил
Два вечных слова — Родина и Сталин —
Рукою опаленной начертил.

Случилось это в первый день свободы,
В последний день уланского полка.
Осенние, поднявшиеся воды
Несла сквозь город синяя река.

Там трое наших умерли как надо,
На Немане, у дальних берегов,
В горящем танке, расстреляв снаряды,
Освобождая город от врагов.

* * *

Лежит товарищ на пригорке,
Среди желтеющих цветов.
Расстегнут ворот гимнастерки,
И каска откатилась в ров.

Узка под ним земли полоска —
Он рос среди иных полей.
Горит вдали зари полоска —
Он видел зори поалей.

Не слышит он, как бьют подковы
И как горнист поет в трубу,
Темнобагровый лист кленовый
Запекся на высоком лбу.

* * *

Усталостью глаза подведены,
Но ты не постарел и не согнулся.
И кажется, что вовсе не с войны,
А с дальнего строительства вернулся.

Ты так же будешь жить, как раньше жил.
Пройдет зима и снеговая зямь.
Ты скоро позабудешь, где купил
Четырехцветный карандаш на память.

Но не забыть, как танк влетел стремглав
В селение. И старая крестьянка,
К железу потемневшему припав,
Щекой прижалась к гусенице танка.

А если б ты среди обновленных сел
Прошел теперь в своем пальтишке штатском,
Никто бы не поверил, что под Шауком
Ты этот страшный танк в сраженье вел.

Теперь там запах мирного жилья,
Широкий бег освобожденных речек.
И в этом есть и жизнь и кровь твоя,
Мой старый друг, гражданский человек.

НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Новый год

Новогодняя ночь! Новогодняя ночь,
Поднимитесь, друзья! Оглянитесь, друзья!
Я по этому поводу выпить не прочь,
Но по этому поводу пить нам нельзя.

Пусть во фляжке у пояса плещется спирт,
Мы на жесткие нары приляжем сейчас.
А далекая родина нынче не спит —
Поднимает, наверное, тосты за нас.

Наши грустные жены сидят за столом.
Пусть они, улыбнувшись, пригубят винца.
Словно танк напролом через лес-бурелом,
Рвутся к ним беспокойные наши сердца.

Над землянками темень — ни звезд, ни луны.
Лишь прожектор по небу ведет бомбовоз.
Словно черные избы, лежат валуны,
Из невидимых пушек стреляет мороз.

Хорошо бы всю ночь просидеть у огня,
Говорить о прошедших и будущих днях.
Но для сна лишь четыре часа у меня,
Буду в валенках спать и в наплечных ремнях.

Лишь мгновенье, и в сон, как под воду, уйду.
Капитан! Хоть часов до пяти не буди.
Много ль сможем мы спать в наступившем году,
Сколько трудных сражений еще впереди.

* * *

Письма носят в противогазах,
Их повсюду с собой беря,
От любимых, от синеглазых,
Ожидающих с ноября.

Это, правда, не по уставу,
Но носившие письма так
Не нарушили нашу славу
В кутерьме штыковых атак.

И когда по буграм открытым
Пробежит вперед батальон,
Собирая вещи убитых,
Ищут маленький медальон.

Адрес части, кусочек жести,
Пачка писем — из дома весть.
И бойцы собираются вместе
Жизнь товарища перечесть.

Будут долго, насупив брови,
По-мужски, без слез горевать.
Там, где пролито много крови,
Слезы незачем проливать.

Как мы раньше дружили мало,
Стыдно вспомнить нам на войне.
Если ты бы здесь побывала,
Ты бы чаще писала мне.

Заявление

„И если даже умереть придется,
Прошу считать меня большевиком“.
Стрелок-радист все думал, что дождется,
Сейчас займутся и его листком.

Но вызвали с партийного собрания.
— Прием придется отложить на час.—
То было темным утром, ранней ранью.
Прожектор в небе только что погас.

Пошли на взлет. В перчатках мерзнут руки.
Затихла чуть январская метель.
Ревут моторы. Смотрят бомболюки,
Как подплывает заданная цель.

Морозный ветер, как струна, звенит.
Глухие взрывы издали слышны.
Внизу худые длинные зенитки,
Как волки, воют на заход луны.

Уже в металле несколько пробоин,
И командир идет на разворот.
Не слишком ли стрелок-радист спокоен?
Нахохлился, плечом не поведет.

Машина точно, осторожно села,
По озеру чертя холодный след.
Механики спросили — все ли цело?
А командир махнул рукой в ответ.

И тихо вынесли стрелка-радиста.
Пошли к землянкам, обогнув крыло.
Друзья несли его дорогой льдистой
Туда, где третий час собрание шло.

Там секретарь, осилив боль и жалость,
Взял заявленья неостывший лист.
Партийное собрание продолжалось.
У выхода лежал стрелок-радист.

*Воспоминанье о
Тайпалеен-Иоки*

Я много видел рек — и узких, и широких.
Запомнится не каждая река.
Но есть одна река — Тайпалеен-Иоки,
Она не широка, не глубока.
А было перейти ее труднее,
Чем жизнь прожить. Но нужно перейти.
Когда понтоны навели над нею,
Сплошной огонь открылся на пути.
И люди шли — сурово, тихо, долго.
И каждый думал — я еще живу.
И волгарям не вспоминалась Волга,
И я забыл свою реку-Москву
И много рек, текущих на востоке.
Тяжелую волну несла в века
Одна, одна Тайпалеен-Иоки —
Холодная и быстрая река.

* * *

Земля от разрывов черным-черна,
Гранит красноват и гол,
Как будто уже наступила весна
И снег навсегда сошел.

А мороз такой, что откроешь рот —
И губы затянет лед.
Варежку снимешь — мороз такой,
Не шевельнуть рукой.

Может быть, я и слов не найду,
Чтоб рассказать о том,
Как родившийся в двадцатом году
Умирает в сороковом.

На связанных лыжах его привезли
В окровавленный медсанбат.
Могилу на склоне чужой земли
Вырыл ему снаряд.

Товарища вынесший из-под огня,
Склоняется политрук.
А он говорит: „Не смотри на меня,
Отвернись, прошу тебя, друг.“

Лицо мое болью искажено,
В глазах у меня темно,
А ты сейчас возвратишься в бой
И страданье возьмешь с собой“.

И политрук, закрыв глаза,
Поцеловал бойца
И ушел туда, где гремела гроза,
Не повернув лица.

Тишина

Три дня непрерывного боя.
Три длинные ночи без сна.
Минуту мы спали. Но стоя.
Нам снилась одна тишина.

А пушки грохочут тревожно,
Свистит боевое литье.
И нет тишины. Только можно,
Оглохнув, услышать ее.

Какая она? Я не знаю,
Припомнить ее не могу.
Быть может, она голубая,
Как летний туман на лугу.

А может, такая, как осень.
А может, она как рассвет
Московский...
А может быть, вовсе
Ее не бывало и нет.

Но в сердце надежда таится,
Что встретится с нами она.
Ведь где-то, за старой границей,
Как прежде, живет тишина.

* * *

Утрами спускались мы в шахту. Бывало,
В тоннеле подпочвенный дождь моросил,
Нас желтой упругой землей осыпало,
За смену совсем выбивались из сил.
От пота мокры потемневшие майки,
Песок забивается в уши и в рот.
Но кто-нибудь скажет: „Ребята, давайте
Еще поработаем
на самолет!“

И мы оставались на смену вторую,
Бесились отбойные молотки,
И рвали мы яростно землю сырую,
И тихо ползли нам навстречу пески.
...Я слышал над Выборгом рокот моторов,
Видал, как от крыльев темнел небосклон.
Их много летело. Не знаю, который
Из нашей усталости был сотворен.

Шесть часов вечера

Войну мы не все понимали вначале.
И перед отъездом, немного грустны,
Друг другу мы встретиться обещали
„В шесть часов вечера после войны“.

С собой мы везли изречение Швейка,
Прижавши винтовку к небритой щеке,
Сквозь вьюгу Карельского перешейка
На известью крашенном грузовике.

Деревья шрапнель и ломает и ранит,
Снарядом расколоты валуны.
Мы здесь позабыли о том, что настанет
Шесть часов вечера после войны.

Любое письмо в истертом конверте
Могло оказаться последним письмом,
Мы все побывали так близко от смерти,
Что, кажется, вовсе теперь не умрем.

Мороз был трескуч, и огонь был гневен.
Ужели мы встретиться не должны,
Сереза Диковский и Боря Левин,
В шесть часов вечера после войны?

Тот, кто пойдет по нашему следу,
По минным полям, быть может, поймет,
Какой ценой мы взяли победу,
Штыком разбивая гранит и лед.

И все же нам страшно и весело было
У взорванной крепостной стены,
И мы не заметили, как пробило
Шесть часов вечера после войны.

Заповедь летчика

Есть правило у летчиков в бою —
Ведя машину скорую свою,
Всегда смотреть, чтобы машина друга
У гибели не встала на краю,

В опасный миг, движеньем рычага,
Как соколу рвануться на врага,
Затем, что жизнь товарища и друга,
Как жизнь своя, как совесть дорога.

Стальное небо под стальным крылом.
Мы по воздушным правилам живем
И никогда не оставляем друга
В опасный миг на облаке крутом.

Гроза

Хоть и не все, но мы домой вернулись.
Война окончена. Зима прошла.
Опять хожу среди широких улиц
По волнам долгожданного тепла.

И вдруг по небу проползает рокот.
Иль это пушек отдаленный гром?
Сейчас по камню будет дождик цокать
Иль вдалеке промчится эскадрон.

Никак не можем мы сдружиться с маем,
Забывать зимы порядок боевой —
Грозу за канонаду принимаем
С тяжелою завесой дымовой.

Отучимся ль? А может быть, к июлю
По легкому жужжащему крылу
Пчелу мы будем принимать за пулю,
Как принимали пулю за пчелу.

Так, значит, забывать еще не время
Военных дней. И, может быть, опять,
Не дописав одной строки в поэме,
Уеду... (и тебе не привыкать!)

Когда на броневых автомобилях
Вернемся мы, изъездив полземли,
Не спрашивайте, скольких мы убили, —
Спросите раньше, скольких мы спасли.

ЗА КАРПАТАМИ

Переход

Когда ты вернешься домой, расскажи
Про карпатские небеса,
Про горный поток, про маки во ржи,
Про буковые леса.
Припомни дорогу над склонами гор
И взорванные мосты,
Зеленый простор, гуцульский узор,
Осевший росой на холсты.
С примкнутым штыком шагал ты с полком,
Прохладой сменялась жара.
Красавица в свитке, с цветочным венком,
Тебя целовала вчера.
Сберутся друзья, зашуршит тишина —
Ты должен им все рассказать.
Услышит жена, я знаю, она
Не будет тебя ревновать.
Ревнуют ли доли к Карпатским горам,
Ревнуют ли наши ветра
К гуцульским цветам, к цветочным ветрам,
Где мы проходили вчера?!

Люди оттуда

Вон ведут их. Плывет над штыками
И над шляпами горный закат.
Перед ними шумят лепестками
Наши южные склоны Карпат.
Только насыпь железной дороги
Их судьбу отделяет от нас.
Вот уж мальчик стоит на пороге,
Переступит он рельсы сейчас.
И рванулись. Домой, а не в гости.
Спотыкаются. Снова пошли,
Поднимая тяжелые горсти
Нашей новой прохладной земли.
Вся в июльских цветах, как невеста,
Улыбаясь, встречает гора
Этих беженцев из Бухареста,
Недобитых в Галаце вчера.
Мы молчим. Мы смешались со всеми.
Слов немного у встречи такой.
Плачет женщина в пробковом шлеме
И старик с почерневшей рукой.
Пусть набиты солдатские ранцы
Их последним, их жалким добром,
Пусть запишет агент сигуранцы
Что-то в книжечку „вечным“ пером.
Это все позади. А навстречу
Птичий вылет украинской речи,
По-гуцульски расшитый закат,
Наши южные склоны Карпат.
Я не знаю прямее примера,

Чтобы родину нашу понять.
Я привел бы сюда маловера
И заставил бы долго стоять
У границы. Смотреть, как на чудо,
На звезду на фуражке моей,
Переходят к нам люди оттуда,
Завернув в одеяла детей.
...Не в одном побывал я походе,
Но такого на памяти нет:
Люди жмурятся, будто выходят
Из подвала на солнечный свет.

Лакей

Заседают гуцулы всю ночь напролет.
Губернаторский замок угрюм и тревожен.
Не успел ты увидеть семнадцатый год,
Заходи, посмотри, это очень похоже.
Всюду мрамор и бронза. Стоит у дверей
С бакенбардами белыми, в красной ливрее,
Позабытый хозяином древний лакей.
Никогда ты не видел живого лакея.
Растянувши в улыбку беззубый свой рот,
Этот старого мира единственный житель
К проходящим гуцулам всю ночь пристаёт,
Как подачки, он просит у них: „Прикажите!“
А они отвечают: „Что бродишь опять?
Или мы тебе, дедушка, не надоели?
Снял бы лучше ливрею, улегся бы спать —
В губернаторской спальне свободны постели“.
Нет, он стар, он уже ничего не поймет.
Ходят мимо по улице русские песни,
Заседают гуцулы всю ночь напролет,
Баба в свитке сидит в губернаторском кресле.

Картограф

Здесь были рек кривые строчки,
Равнины, горные места,
Пунктиры, городов кружочки,
Границы жирная черта.
Уж голубою краской яркой
Картограф обводил моря.
Работа вся пошла на смарку
Семнадцатого сентября.
Под Гродно и под Белостоком
Короткий вихрь отбушевал,
И снова на листе широком
Картограф карту рисовал.
А мы уехали на север,
Где руку занесла беда.
Была зима, балтийский ветер,
Артиллерийская страда.
Меж тем картограф кончил карту
Работой любовался он.
В ночь на тринадцатое марта
Ворвался в Выборг батальон.
Картограф начал труд сначала...
Мы вышли к синему Днестру.
Нас Бессарабия встречала,
Держа знамена на ветру.
Увы, картограф! Что нам делать?
Ты карту кончишь, наконец,
Но тут, восторженный и смелый,
Матрос какой-нибудь, юнец,
Пойдет на зверобойном боте

По неизведанным местам,
И, помешав твоей работе,
Он острова откроет там.
Картограф! Я тебя жалею —
Как жизнь на карту нанести?
Но знаешь, нам пришлось труднее,
Ты нас уж как-нибудь прости.

Содержание

ЛИРИКА

Выпускники	3
Сказка о звезде	5
Помню, что когда она ушла	7
Где-нибудь на улице чужой	8
Как февральский вечер позабуду	9
Комсомольская площадь	11
Вот улица в лучах заката	12
Есть в первой любви обреченность разлуки	13
Каменщики на рассвете	14
Дом	15
Поделуям счет давно потерян	17
Все дороги майские прозрачны	18
Сколько дум передумаешь ты в ночах	19
Горловские розы	20
Дымком воспоминаний горьким	21
Хочется вслушаться в голос ровный	22
Не разлюблю тебя я никогда	24
Дачный поезд	25

Песни

Улыбка	27
Девушка с характером	29
Любимый город	30
Самый маленький	31

МОИ ДРУЗЬЯ

Стойбище Урми	32
Мальчик	35
Ночь на пароходе	37
Бухта Ольга	38
Шофер	39
Тигролов	40
Друзьям	42
Короткие волны	44
Инженер	45
На практике	47
Из февральских стихов	49
Самолет в Парке культуры	51
Отправляются мужа в полет	52
За мавзолеем ели встали в ряд	53
Давайте о юности больше ни слова	54

ИЗ ПОХОДНЫХ ТЕТРАДЕЙ

На Дальнем Востоке

Письмо	55
Лебеденок	57
Актеры	58
Майор	60
День незаметно уходил на запад	61
Герой	62
Твердыня	63

В Западной Белоруссии

Полночь	65
Городок Долматовщины	67
Свои	68
Улица святого Доминика	69
Лежит товарищ на пригорке	71
Усталостью глаза подведены	72

На Карельском перешейке

Новый год	73
Письма носят в противогазах	75
Заявление	76
Воспоминанье о Тайпалеен-Йоки	78
Земля от разрывов черным-черна	79
Тишина	81
Утрами спускались мы в шахту	82
Шесть часов вечера	83
Заповедь летчика	85
Гроза	86

За Карпатами

Переход	87
Люди оттуда	88
Лакей	90
Картограф	91

